

которому уделено 37 страниц (стр. 243—280), в то время как не менее важному разделу «Предложение» Г. М. Керт отвел лишь 16 страниц (стр. 280—296).

В разделе «О противоречивости критериев при определении членов предложения» (стр. 232—243) Г. М. Керт рассматривает точки зрения 19 авторов, причем среди них мы не находим концепций специалиста по саамскому синтаксису К. Нильсена. Всю свою полемику с этим множеством авторов Г. М. Керт ведет на материале русского языка и иногда финского, а саамский язык в этом разделе он упомянул только в одном, поставленном в скобки предложении на стр. 240, а именно: «(Аналогичная картина наблюдается и в саамском языке)».

Большим недостатком главы «Синтаксис» мы считаем смешение сложных слов со словосочетаниями, которое допустил Г. М. Керт в подразделе «Словосочетания. Типы словосочетаний» на стр. 245, 246 и 247. Например, на стр. 246 Г. М. Керт назвал словосочетаниями следующие сложные слова: *tujšaijja* 'на рабочем месте', *čah̄n pařša* 'чертенок (досл.:

черт-сыннок)'; *Kårdegsijđešt* 'в селе Вороньем (досл.: в Ворона-селе)'; *Kuelnig čūh̄re* 'в Кольскую губу (досл.: Колагуба)'. Необходимо отметить, что огромное большинство лаппонистов и специалистов по другим финно-угорским языкам считает слова подобной структуры сложными. Эти языковеды вполне правы в том, что это сложные слова, так как в своих утверждениях они исходят из национальной самобытности финно-угорских языков, а не из чуждого национальной структуре саамского языка учения о словосочетаниях, созданного русскими языковедами на материале русского языка, которому, возможно, и следует Г. М. Керт в разделе о словосочетаниях. Но наиболее оригинален тот факт, что Г. М. Керт, причисляя к словосочетаниям отдельные группы сложных слов саамского языка, никакими научными доводами не обосновывает это нарушение словообразовательных традиций финно-угроведов и не высказывает своего взгляда на эту проблему.

В. В. СЕНКЕВИЧ-ГУДКОВА
(Петрозаводск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.2.11>

XIV ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ

6—8 сентября 1972 года в Саранске проходила XIV Всесоюзная конференция финно-угроведов, посвященная 50-летию образования СССР.

Конференция была самой представительной из всех как по количеству участников, так и по широте тематики. В ее работе приняли участие один академик, 20 докторов наук и профессоров, более 70 кандидатов наук и доцентов из 20 научных центров и высших учебных заведений страны — Москвы, Ленинграда, Таллина, Тарту, Петрозаводска, Сыктывкара, Саранска, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Чебоксар, Уфы, Свердловска, Перми, Новосибирска и др. Приглашались учителя родного языка школ и педучилищ Мордовии, писатели, работники издательств, сотрудники газет.

В центре внимания конференции были

актуальные проблемы финно-угорского языкознания (сравнительно-историческое языкознание, взаимовлияние языков, проблемы литературных языков, вопросы грамматики современных языков, диалектология, ономастика и т. д.).

Вопросам лингвистики было посвящено 127 докладов из 171, в том числе лексикологии — 27, морфологии — 28, диалектологии — 20, ономастики — 18. Это не случайно. Во многих финно-угорских центрах, в том числе и в Мордовии, ведется большая работа по лексикологии и лексикографии, разрабатываются вопросы грамматики, интенсивно изучаются диалекты.

Наряду с лингвистами, в работе конференции активно участвовали представители смежных наук — фольклористики, литературоведения, археологии, антропо-

логии и этнографии, выступившие по таким вопросам, как творческие взаимосвязи финно-угорского и русского фольклора, особенности языка литературного произведения, проблемы национального стихосложения, названия одежды и украшений, терминология родства, археология в вопросах субстрата и взаимовлияния народов, проблема этногенеза и т. д.

На пленарных заседаниях было заслушано и обсуждено семь докладов.

Секретарь Мордовского обкома КПСС Н. И. Чиняев в докладе «Мордовия в братской семье народов СССР» показал успехи мордовского народа в развитии экономики, науки и культуры, достигнутые за годы Советской власти на основе осуществления ленинской национальной политики.

В докладе «Система гласных мордовских языков и древнерусский вокализм» В. И. Лыткин (Москва), сравнив данные мордовских, марийского и прибалтийско-финских языков, с одной стороны, и русского — с другой, сделал вывод о том, что системы гласных прамордовского и древнерусского языков развивались в тесном контакте, влияя друг на друга. В результате этого возник ряд особенностей вокализма мордовских и русского языков: в мордовских установилось отличие в количестве и качестве гласных от других финно-угорских языков, в русском появилось аканье.

Доклад А. П. Феоктистова (Москва) «Из истории мордовских письменнo-литературных языков II половины XIX столетия» был посвящен практике переводов сакральной литературы с русского на мордовские языки и с одного мордовского языка на другой. Из-за отсутствия письменности переводы осуществлялись с помощью русской графики и действовавших тогда правил русской орфографии. На основе фонетических и морфологических особенностей переводных произведений автором установлено, на каком говоре осуществлены переводы.

Об образовании и употреблении форм будущего времени в финно-угорских языках говорила К. Е. Майтинская (Москва). Будущее время, по ее мнению, образуется путем а) использования особого ряда личных окончаний (в пермских языках); б) использования особого показа-

теля будущего времени (например, *-nd* в венгерском языке); в) использования вспомогательного глагола в составе аналитической формы (например, венг. *fogni*, морд. *кармакс*); г) супплетивности. Выбор способов образования форм будущего времени (в языках, в которых таких способов несколько) часто обуславливается стилистическими причинами.

Ряд индоевропейских заимствований, общих для прибалтийско-финских и волжских языков, как отметил в своем докладе П. Аристэ (Тарту), считается доказательством того, что предки волжских финно-угров и балтийцев были соседями. Но общие индоевропейские заимствования в прибалтийско-финских и волжских языках вошли в отдельные финно-угорские племенные языки еще до появления балтийцев по соседству с прибалтийскими финнами. На основе этого автор делает вывод, что тесной связи между балтийцами и поволжцами не было.

А. Каск (Тарту) посвятил свой доклад образованию единого литературного языка на базе северноэстонского наречия. В силу определенных предпосылок — исторических, географических и экономических условий, культурных и лингвистических факторов — северноэстонское наречие постепенно, начиная со II половины XIX века, формировалось в общий и единый национальный литературный язык для всех эстонцев.

Завершается работа по составлению мордовского народного эпоса, — отметил прочитавший коллективный доклад В. В. Горбунов (Москва), — в двух вариантах: академическом (авторский коллектив — сектор фольклора Мордовского научно-исследовательского института) и сводном (авторы — литературовед В. В. Горбунов, историк Г. Я. Меркушкин, фольклорист А. Д. Шуляев). Академический вариант представит собой наиболее полное собрание оригинальных текстов эпических песен с их самостоятельными вариантами на мокшанском и эрзянском языках, а также с подстрочным ритмико-смысловым переводом на русский язык (45 авторских листов). Тексты снабжены комментарием. Сводный вариант, предназначенный для массового читателя, является собранием эпических сюжетов по

сходству социальных мотивов, отдельно на мокшанском и эрзянском языках (во взаимных переводах), с художественным переводом на русский язык.

На секции лексикологии и лексикографии А. П. Баранцев (Петрозаводск) в своем выступлении охарактеризовал обнаруженный им в архиве рукописный русско-вепский словарь, составленный в 1848 году Вытегорским земским исправником Ларионовым. Р. Куль (Таллин) дал анализ завершеного эстонского орфографического словаря — универсального нормативного словаря литературного языка. Большой интерес вызвало сообщение Е. С. Гуляева (Сыктывкар) об этимологиях пермских слов. Приведенные этимологии отличаются тщательностью, они убедительны. Вопросу заимствования финно-угорских слов русским языком было посвящено выступление В. Д. Бондалетова (Пенза) о составе и ареале распространения марийских заимствований в русских аргословах.

Хорошее впечатление произвел доклад М. В. Мосина (Саранск) об общей терминологии ремесла и инструментов в эстонском и мордовском языках, в котором было приведено 55 соответствий и на основе их обстоятельного анализа сделан вывод о том, что домашнее ремесло у предков эстонцев и мордвы в период волжско-прибалтийско-финской общности находилось уже на довольно высокой ступени развития.

Проблемам лексикологии отдельных финно-угорских языков были посвящены доклады Р. Н. Бузаковой, К. Т. Самородова (Саранск), В. П. Федотовой (Петрозаводск) и др.

На секции фонетики М. С. Биушкин (Стерлитамак) привел основные интонационные модели, охватывающие по структуре интонационных элементов все основные варианты эрзя-мордовских интонационных форм, подробно охарактеризовал каждую модель. К. Венде (Таллин) остановился на проблеме различения вопросов и ответов в эстонском языке по контурам основного тона на основе экспериментальных данных.

Данные археологии и языкознания позволили А. Лаанесту (Таллин) предположить, что прибалтийско-финские диалекты некогда (до образования отдельных

прибалтийско-финских племен) распались на две группы — центральную и периферийную. В диалектах центральной группы возникло чередование ступеней. В периферийных диалектах, на базе которых образовались вепский и ливский языки, чередования ступеней или совсем не было, или же, возникнув, оно сохранилось в зачаточном состоянии.

Отраден тот факт, что большинство докладов по фонетике было построено на базе экспериментальных методов. Это свидетельствует о возросшем внимании к современным методам исследования финно-угорских языков.

На секции морфологии обсуждались проблемы системы аффиксов, падежей, частей речи и т. д.

Доклад Г. И. Лаврентьева (Глазов) был посвящен конструкциям с именительным падежом в роли прямого дополнения в ряде урало-алтайских и балтославянских языков. Автор дал морфологическую характеристику указанной категории и обозначил ареал ее распространения. Он высказал предположение, что возникновение оборота с «номинативом» прямого объекта в рассматриваемых языках может быть результатом самостоятельного параллельного морфолого-синтаксического процесса в языках, в некоторой степени близких друг другу.

Н. М. Терещенко (Ленинград) затронула вопрос о *Nomenverba* в самодийских языках. По мнению зарубежных финно-угроведов, это категория слов, имеющих как именные, так и глагольные признаки. На основе материала самодийских языков автор делает вывод, что только морфологическое строение указанных слов позволяет отнести их к категории имени или глагола. В данном случае грамматическая форма выступает средством разграничения омонимичных основ.

Проанализировав точки зрения А. А. Шахматова и Б. А. Серебrenникова о мордовских глагольных основах, Д. Т. Надькин (Саранск) предположил, что в какой-то ранний период обцемордовского языка различались глагольные основы: 1) на *-a*, оставшиеся без изменения до настоящего времени; 2) на гласные полного образования заднего и переднего ряда (их продолжением в современных мордовских языках являются не *a*-овые

гласные глагольные основы, например: *учо-тано* 'ждем', *лаксе-т'ано* 'тешем' и т. п.); 3) на гласные неполного образования заднего и переднего ряда (их продолжение — современные мордовские глагольные основы на согласный, например: *чув-тано* 'копаем', *макс-тано* 'даем').

Е. И. Ромбандеева (Москва) определила категории различия сложных слов и словосочетаний в мансийском языке, дала классификацию сложных слов.

Проблемы словосочетания и предложения в финно-угорских языках рассматривались на секции синтаксиса. Доклад В. М. Вахрушева (Ижевск) об особенностях глагольного управления в удмуртском языке представляет большой интерес и для финно-угорского языкознания в целом. Р. Карелсон (Таллин) проследил развитие, морфологический состав и синтаксические функции союзов в прибалтийско-финских языках от глаголов отрицания. Он привел параллели из других финно-угорских языков, показал влияние неродственных (в частности, латышского) языков на возникновение и развитие союзов. Большой интерес вызвал доклад Х. Рятсепа (Тарту) об элементарных предложениях эстонского языка. Решение этого вопроса представляет собой новое направление в разработке проблемы простого предложения.

На секции диалектологии шел разговор о взаимовлиянии и контактировании языков, описании фонетических, морфологических и лексических особенностей отдельных диалектов.

К. И. Ананьина (Саранск) на материале верхнеалатырских говоров мокшамордовского языка показала процессы взаимовлияния и взаимодействия между близкородственными (мокшанским и эрзянским) языками, с одной стороны, и неродственными (мокшанским и русским), с другой.

В докладе А. М. Рота (Ужгород) показаны особенности контактов венгерского языка и его диалектов с украинским, болгарским, польским, словацким, немецким и румынским языками и их карпатскими диалектами, определены типы этих контактов. О лингвогеографическом аспекте в исследовании украинско-венгерских межъязыковых контактов сообщил П. Н. Лизанец (Ужгород).

Коми-русские языковые контакты, установившиеся в Верхнем Прикамье с XV века, отметила А. С. Кривошекова-Гантман (Пермь), привели к обогащению фразеологии как коми, в частности коми-пермяцких, так и русских говоров и наложили отпечаток грамматической структуры языка-источника на фразеологию языка-рецептора.

Рассматривая случаи словообразовательной вариантности в диалектах эрзянского языка, Д. В. Цыганкин (Саранск) допускает возможность, что изучение словообразовательной системы отдельных говоров и всех диалектов в целом методом выявления системных отношений между словообразовательными элементами, определения инвариантных словообразовательных моделей, установления степени их регулярности позволит взглянуть под иным углом зрения на некоторые процессы в области эрзянского словообразования.

Вопросы антропонимии, космонимии, топонимии и микропонимии обсуждались на секции ономастики.

Охарактеризовав состояние финно-угорской космонимии и раскрыв этимологию ряда космонимов, В. А. Никонов (Москва) подчеркнул необходимость сбора космонимов, так как «этот драгоценный для науки материал исчезает стремительно и бесследно».

В докладе И. К. Инжеватова (Саранск) раскрывается этимология названий ряда населенных пунктов Мордовии. Довольно убедительно доказана связь этих топонимов с существованием в прошлом на территории Мордовии больших лесных массивов.

Вопросам карельской и эстонской микропонимии посвятили доклады Н. Н. Мамонтова (Петрозаводск) и В. Палль (Таллин).

На секции фольклористики и литературоведения преобладала фольклорная тематика.

Ряд докладов был посвящен взаимосвязям между фольклором финно-угорских и русского народов: В. Я. Евсеева (Петрозаводск) о русских источниках стилистики и поэтики финно-угорской эпической песни, Н. Н. Алексеева (Саранск) о связи мордовского фольклора с русскими былинами, А. Г. Самош-

кина (Саранск) о русско-мордовских связях в жанре народных заговоров. О современном бытовании мордовских фольклорных жанров говорили Л. С. Кавтаськин, Э. Н. Таракина, А. Д. Шуляев (Саранск). В. В. Пименов (Москва) на основе изучения народной фольклорной культуры в системе удмуртского этноса сделал вывод, что и в настоящее время удмуртский фольклор как вид социальной памяти играет определенную этноинтегративную роль.

О фольклорных истоках мордовской литературы сообщил А. Г. Борисов (Саранск). Зачинатели мордовской литературы видели в фольклоре неиссякаемый источник художественного материала и пользовались им. Ориентация их на фольклор служила свидетельством преемственности традиций народа. Удмуртская поэзия, отметил Ф. К. Ермаков (Ижевск), имеет своеобразные черты, вытекающие из самобытной основы языка и мышления народа, в то же время она обогащается формами и художественными приемами, почерпнутыми из поэзии других народов.

Большим разнообразием отличалась тематика докладов секции археологии и этнографии.

На основе анализа вещевого комплекса древних могильников, городищ и поселений, определения ареала их распространения В. И. Вихляев и В. И. Ледяйкин (Саранск) пришли к выводу, что базой для древнемордовской культуры послужила городецкая. Временем возникновения древнемордовской культуры В. И. Ледяйкин считает I—II вв. н. э.

В результате Скифо-Персидской войны 512 г. до н. э., указывает П. Д. Степанов (Саранск), городецкие племена вынуждены были переменить место жительства. На новом месте сложилась культура древнемордовских племен. В I тыс. н. э. уже отчетливо выступают черты двух мордовских племен — мокши и эрзи.

С. Лаул (Таллин) на основе погребальных обрядов делит прибалтийско-финскую этническую группировку на западную и восточную группы. В процессе формирования племен западной группы существенную роль сыграли ранние балты. Образование племен восточной группы происходило в условиях тесных и продолжительных связей с более восточны-

ми финно-уграми — предками волжских финно-угров.

Древнейшие мезолитические культуры на восточном побережье Балтийского моря рассмотрены в докладе Л. Янитса (Таллин).

Используя последние данные, К. Марк (Таллин) выделила среди прибалтийско-финских народов три антропологических типа: восточнобалтийский, западнобалтийский и скандинавский. Формирование их началось в III—II тыс. до н. э. путем смешения по крайней мере двух типов различного происхождения: протолапоноидного и протоевропейского. Рассмотрен удельный вес отдельных компонентов этого процесса.

Сходство в народной одежде финно-угров отмечено в докладе А. Воолма (Тарту). Некоторые общие черты уходят корнями в глубокую древность и тем самым служат доказательством культурной общности финно-угров в далеком прошлом. Ряд особенностей имеет более позднее происхождение. На эстонском материале автором подробно рассмотрены эти сходные черты.

А. Петерсон (Тарту) установил общие элементы в земледелии у эстонцев и вепсов. В способе обработки земли, орудиях труда у вепсов наблюдаются многие черты, характерные для народов Восточной Европы. Но в то же время имеется специфическое, присущее прибалтийско-финским народам, в том числе и эстам. В названиях орудий труда у вепсов, как и у эстонцев, много балтийских заимствований, что свидетельствует о тесных контактах между вепсами и балтицами до прихода славян в северную часть Восточной Европы.

На основе изучения локализации мотивов резного орнамента на территории Горьковской области В. Н. Мартынов (Саранск) сделал вывод, что карта распространения различных конструкций парей (сундуков для хранения холстов и одежды) и орнаментальных мотивов в основном совпадает с территорией распространения мордовских диалектов.

Современному мордовскому населению Армении и его этнической истории посвятил свой доклад Н. Ф. Мокшин (Саранск).

Уровень бытования удмуртского национального костюма, как отметила Л. С. Христолюбова (Ижевск), весьма невысок, хотя преобладающее большинство населения еще ясно представляет его себе, т. е. отказавшись от ношения национального костюма, многие хранят его в своей памяти. Это значит, что происходит процесс постепенного перемещения этнической специфики из сферы реального быта в сферу психологии, сознания.

В постановлении конференции отмечается, что в последние годы советскими финно-угроведами выполнен ряд серьезных исследований — это свидетельствует о

дальнейшем подъеме науки, о росте национальных научных кадров.

Конференция решила очередные всесоюзные форумы финно-угроведов проводить в дальнейшем один раз в пять лет (за год до очередного Международного конгресса). В период между конференциями для решения назревших проблем будут созываться отраслевые тематические симпозиумы.

Учитывая, что в 1975 году состоится IV Международный конгресс финно-угроведов, очередную XV Всесоюзную конференцию решено провести в 1974 году.

И. С. БУЗАКОВ (Саранск)

THE SYSTEMATIC PUBLICATION OF OLD ESTONIAN FOLK-SONGS TO BE CONTINUED

The systematic publication of ancient Estonian folk-songs was begun almost a century ago in 1875 by Dr. Jakob Hurt. The publication of this valuable material is of great interest not only to folklorists, but also to linguists, especially those concerned with the Finno-Ugric languages and the Finnic languages in particular. Folk-songs contain numerous archaic linguistic features, some of which disappeared from the spoken language already in the 13th century or even earlier. Thus, for instance, the following forms have not been used in the spoken language for centuries: *tullakseni* 'that I should come', *olleb, olneb* 'may have been', *kasvanema* 'to grow continuously', *on tulemine* 'must come', *isädäsi* 'your father', *poiginesa* 'with his sons', *õnne kaasa* 'with luck', *munekse* 'lays an egg (or eggs)', *sius* 'be herding swine'. Some lexical rarities include *Tooni* 'god of death', *mardus* 'spectre foreboding death, also a dead person', *malev* '(ancient Estonian) army', etc.

Therefore the decision to undertake the systematic publication of folk-song texts, which was adopted recently by the Social Sciences Division of the Academy of Sciences of the Estonian S.S.R., is of interest to linguists as well. The next volume of "Vana Kannel" ("Ancient Zither"), the fifth in a series initiated by J. Hurt, will be ready in manuscript by the end of 1973, and will be published in 1975 on

the occasion of the centennial of the series. Henceforth publication will continue without interruption until all sixty-five of the planned volumes will have appeared (at the rate of one volume a year).

The publication of the series "Vana Kannel" was discontinued in 1941 because of the Second World War. An earlier prolonged break during 1886—1938 (if one overlooks two volumes of lyric-epical material which came out in 1926 and 1932) was due partly to a shortage of staff and the pressure of other work, partly to financial difficulties. The wish to collect as much additional orally preserved material as possible before undertaking final publication was also one of the causes of the interruption. Thus it is in the Soviet period that folk-songs have been intensively collected from all over the Estonian S.S.R., and the time has now come to pay our debt of gratitude to both the gifted folk-singers, who bequeathed the treasures of their mind to subsequent generations, and to the selfless collectors who wrote down this precious heritage.

The Social Sciences Division of the Academy of Sciences has set up a board of eight members representing four institutions to solve the theoretical and practical problems that will arise in the course of preparing the series for publication.

EDUARD LAUGASTE (Tartu)